

¹ Гете. Фауст / Пер. Б. Пастернака. М., 1960. С. 63, 64.

² Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 159.

³ Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М., 1986. С. 39.

⁴ Цит. по: Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 319.

⁵ Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989.

⁶ «Но в человеческом мире все обстоит так же, как и в остальной природе. Здесь тоже все существует крупно: все состояния культуры и нравов, все — от самого раннего до наипозднейшего, от предельно глупого до разумнейшего, от первобытного, глухого, дикого до высоко и тончайшего развитого, — все это сосуществует; более того, случается, что тончайшее, устав от самого себя, влюбляется в первобытное и, точно во хмелю, вновь опускается до дикости» (Манн Т. Признания авантюриста Феликса Круля // Манн Т. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 6. М., 1960. С. 543).

⁷ Рефераты исследований об «охоте на ведьм» см.: Культура и общество в средние века: методология и методика исследований // Реферативный сборник ИНИОН. М., 1982. С. 80—151.

⁸ Ссора с патриархом. Л., 1987.

⁹ Леви К. Христос остановился в Эболи. М., 1955.

¹⁰ Там же. С. 73.

¹¹ Там же. С. 107.

© 1991 г.

Э. Г. Абрамян. У истоков культурной традиции. Ташкент, 1988. 127 с.

Анализу природы традиции посвящено большое число работ, разработан ряд подходов, характеризующих этот сложный феномен с разных сторон. Одним из препятствий, мешающих целостному освещению культуры в целом и традиции в частности, является почти полное отсутствие исследований по их происхождению. Поэтому выход в свет книги Э. Г. Абрамян, в которой проблема генезиса культурной традиции обсуждается в свете последовательного проведенной автором концепции культуры на основе большого современного материала по антропологии, археологии, зоопсихологии и других наук, заслуживает особого внимания.

Первая глава монографии начинается с философского, методологического обоснования анализа генезиса традиции. Анализ включает, с одной стороны, выявление роли в этом аспекте системного и информационного подходов и, с другой — значения концепции культуры, разработанной Э. С. Маркаряном.

Сущность последней состоит в способности людей как живых существ, «объединенных в устойчивые коллективы, вырабатывать систему потенциально не заданных биологическим типом организации средств и механизмов для адаптации к среде и поддержания общественной жизни¹». Именно созданные поколениями людей внебиологические по своей природе механизмы, способы деятельности превращают последнюю в культурную, активно приспособительную, принципиально отличную от просто приспособительной деятельности животных. Автор книги полностью присоединяется к трактовке культуры только как социальной технологии, правда, понимаемой в самом широком смысле, включающей в себя «не только орудия материального производства... но и те нравственные побуждения, высокие цели и интересы, эстетические идеалы и многие другие явления...²». Несомненно, «технологодетельностная», по терминологии автора, концепция культуры (полагаю, здесь более подходит термин «технологическая», ибо технология сама есть один из видов деятельности людей) дает определенные возможности для раскрытия процесса происхождения как самой культуры, так и культурной традиции. Во-первых, в плане выявления генезиса общественного труда как главного фактора формирования общества, включая культуру и традицию. Во-вторых, в аспекте выяснения самого механизма этого длительного и сложного процесса, на чем сосредоточивает свое внимание автор. Но, думается, данная концепция культуры, как одна из многих, ограничивает возможности решения обсуждаемой проблемы. Прежде всего в плане фактического игнорирования ею сферы отношений людей друг к другу, а следовательно, и культуры, традиций этих отношений, что не может не сказаться на анализе их происхождения. Дальше будет показано, что технологический подход к культурной традиции неизбежно отражается на решении автором проблемы ее генезиса.

Достоинство монографии — четкое разделение в ней вопросов о биологических предпосылках и самом процессе возникновения культуры, традиции.

Вторая глава специально посвящена анализу биологических предпосылок генезиса культурной традиции. В качестве его основополагающей предпосылки Э. Г. Абрамян рассматривает усложнение деятельности предков человека. Последнюю она трактует так же, как советский зоопсихолог К. Э. Фабри³, согласно которому поведение всех животных является всецело видовым, инстинктивным по его конечным целям — удовлетворению их биологических потребностей. Поведение состоит из двух главных фаз — поисковой и завершающей, выражающей сущность любых актов поведения животных. Поэтому сущность его прогресса заключается в совершенствовании поисковой фазы актов поведения, которые тем не менее сохраняют свою инстинктивную суть.

В свете такого понимания актов поведения предков людей Э. Г. Абрамян на основе большого числа фактов, а также использования ряда философских категорий подробно анализирует деятель-

ность прегоминид с целью обнаружить в ее развитии объективные предпосылки, возможности, факторы, обусловившие появление культурной традиции. В соответствии с ее технологическим пониманием и указанной выше трактовкой деятельности предлюдей автор уделяет основное внимание рассмотрению поисковой ее фазы. Э. Г. Абрамян справедливо подчеркивает большое значение ориентировочно-исследовательской деятельности прегоминид и особенно их способность к манипулированию предметами для возникновения труда в его широком смысле. В связи с этим в книге раскрывается предпосылочная роль совершенствования физического строения предков человека, особенно их мозга, органов зрения, руки. Хотя для специалиста здесь нет ничего нового, но интересна сама попытка осмыслить данные науки в свете избранной концепции генезиса культурной традиции. Заслуживает внимания и предпринятый автором анализ поведения прегоминид в плане накопления или индивидуального, прижизненного невидотипического (неинстинктивного) по своей природе опыта, выражающегося не только во все более умелом использовании прегоминидами своих естественных органов, но и в выработке ими навыков в обработке и целесообразном использовании палок и других предметов в качестве орудий. Можно поэтому согласиться с автором в том, что такой опыт поведения предков человека, их способность к его накоплению и передаче и стали «фундаментальной, перспективной преадаптацией, выведшей живые системы на линию неограниченного прогресса» (с. 45).

Подчеркивая роль современной жизни прегоминид, автор далее исследует предпосылки возникновения традиции, существовавшие в их сообществах. Важное место уделяется раскрытию механизма превращения случайных новаций в поведении индивидов в общее достояние стада в виде устойчивых, необходимых стереотипов поведения всего сообщества. Выясняется, что в передаче новаций между поколениями решающую роль играют подражание и научение. Автор полагает, что именно отдельные «новации, превращенные в групповые стереотипы, становились биологической предтечей культурной традиции...» (с. 60—61). Эту форму «групповой стереотипизированной жизнедеятельности переходных гоминид» Э. Г. Абрамян обозначает как прототрадицию. В заключительном разделе главы рассматриваются данные относительно необходимого возникновения в сообществах прегоминид доверительных, прежде всего жестовых, средств коммуникации, также игравших роль предпосылок генезиса человеческой жизнедеятельности, культурных традиций.

Проведенный Э. Г. Абрамян анализ биологических предпосылок возникновения культуры и традиции показал, можно полагать, определенное значение трактовки актов поведения К. Э. Фабри для исследования возникновения культуры в целом и традиции в частности. Однако ее односторонность определила односторонность раскрытия предпосылок культурной традиции и связанные с этим недостатки их анализа.

Ознакомление с содержанием главы показывает, что исходное понимание поведения животных как только инстинктивного пришло в противоречие с приводимыми автором данными относительно огромной сложности, динамизма деятельности прегоминид. Очевидно, вследствие этого Э. Г. Абрамян вынуждена была прийти к выводу о том, что включение невидотипических новаций в поведение животного, овладение им все новыми сигналами «принципиально (!) меняет его поведение» (с. 56), в котором «уже наблюдается его протосоциальная структура» (с. 69). Другими словами, Э. Г. Абрамян фактически приходит к широко распространенному в научной литературе пониманию поведения высших животных как отличного от инстинктивной деятельности ниаших, к тому, что оно есть «сложная интегрированная форма деятельности организма, основанная на взаимодействии инстинктов, научения и рассудочной деятельности»⁴. Однако, как увидим ниже, исходная оценка поведения животных как инстинктивного по своей сути отражается на характеристике автором поведения гоминид.

В свою очередь, ограниченность технологической концепции культуры сказалась на анализе автором биологических предпосылок культурной традиции. Отметим главный, по нашему мнению, недостаток этого анализа — недооценку автором предпосылочной роли усложнения отношений прегоминид в их сообществах, структуры последних. Очевидно, развитие отношений у прегоминид, а также связанный с ними прогресс общественных потребностей должны были все больше влиять на индивидуальное рассудочное поведение членов сообществ предков в сторону человеческого, возникновения культуры, традиции. Правда, Э. Г. Абрамян отмечает роль невидотипического опыта сообществ прегоминид, но трактует его лишь как суммарный итог такого поведения его членов.

Основное содержание третьей, заключительной главы оставляет изучение сложного, длительного процесса превращения прегоминид в гоминид (австралопитеков, габилисов, питекантропов, синантропов, неандертальцев), а тех — в настоящих людей с их культурой, традициями. Анализ этого процесса осуществлен в плане рассмотрения становления социального способа жизнедеятельности.

В первом разделе основное внимание уделяется характеристике предтрудовой деятельности гоминид. Последняя, по мысли автора, представляет собой промежуточный этап между инстинктивной деятельностью прегоминид и социальной жизнедеятельности людей. Она отличается от первой опосредствованным характером отношения гоминид к среде в виде созданных ими примитивных средств труда, дифференциацией их деятельности на охоту, утилизацию добычи и изготовление орудий. Это резкое усложнение технологии деятельности гоминид принципиально отличает ее от адаптивной деятельности животных, прежде всего по их отношению к среде, которое начинает «определяться здесь уже средствами искусственной технологии» (с. 84).

Поскольку данная трактовка прототруда гоминид служит основой анализа генезиса культурной традиции, целесообразно на ней остановиться. Не вызывает сомнений справедливость стремления автора показать решающее влияние начала изготовления орудий на формирование производственных традиций будущего общества, выявить зависимость от нее локальных культур и др. Но

раскрытию генезиса культуры и традиции мешает, на наш взгляд, понимание автором протолуды как индивидуальной инстинктивной деятельности, находящейся «в основном в русле генетических программ», основывающейся подобно деятельности прегоминид на научении и осуществляющейся в бессознательной, рефлексивной форме. Что же заставляло не обладающего сознательными стимулами индивида изготавливать не имеющее для него прямого биологического значения орудие, приобретать сложные традиции по его изготовлению? Что побуждало его передавать их другим членам сообщества? Ответы на эти вопросы дают многочисленные факты о формировании у гоминид экономических и иных социальных отношений, общих потребностей в накоплении опыта производства орудий и передаче его друг другу и подрастающим поколениям, что заставляло членов возникших родовых общин все больше осознавать эти социальные цели, стимулы. А это предполагало зарождение и развитие в сообществах гоминид человеческой речи, что подтверждается данными науки. Абсолютизация автором индивидуальной технологической деятельности гоминид обусловила не только ее биологизацию, но и, естественно, отрицание им наличия у них даже зачатков человеческой речи, квалификацию переходного периода в качестве доречевого.

Очевидно, и в нашем случае становящиеся первобытные общины как органические системы должны были сами формировать новую, социальную суть поведения гоминид, а следовательно, их новые средства коммуникации, традиционные деятельности, нормы поведения и пр., стимулировать членов сообществ к распространению новаций среди других индивидов. Большой фактический материал о превращении стад австралопитеков в первобытные общины подтверждает правомерность такого решения проблемы.

Подытоживая разбор содержания работы Э. Г. Абрамян, можно сделать вывод, что использование ею в качестве методической основы технологической концепции культуры дало ей возможность внести определенный вклад в решение проблемы генезиса культурной традиции. Подчеркнем установление решающей роли в этом биологических предпосылок появления деятельности гоминид по изготовлению средств труда и самого труда. В то же время односторонность исходной концепции культуры предопределила указанные выше недостатки в решении проблемы, выразившиеся прежде всего в недооценке автором главного, непосредственного фактора формирования культурной традиции — становления социальной структуры, потребностей в сообществах гоминид.

Советским этнографам, философам и представителям многих других наук предстоит большая работа по анализу генезиса культурной традиции, раскрытию ее принципиального отличия от способов и стереотипов поведения животных в смысле выражения истинно человеческого характера поведения, меры развития его от эпохи к эпохе.

Д. В. Гурьев

Примечания

¹ Маркарян Э. С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973. С. 37.

² Там же. С. 43.

³ См. Фабри К. Э. Основы зоопсихологии. М., 1976.

⁴ Крушинский Л. В. Биологические основы рассудочной деятельности. М., 1977. С. 143.

НАРОДЫ СССР

© 1991 г.

Круглый год: Русский земледельческий календарь /

Составление, вступительная статья и примечания в тексте Некрыловой А. Ф.

М., 1989. 495 с.

По современной классификации, сборник «Круглый год», составленный А. Ф. Некрыловой, относится к разряду научно-популярной литературы, но более точно его замысел и воздействие на читателя можно определить как «культурное просветительство» высокого уровня, что обеспечивается сочетанием научного знания с художественным вкусом в отборе материала и простой его подачи (авторским комментарием).

По мере знакомства с книгой становится ясно, что она предназначена для массового чтения в самом широком диапазоне — для читателей всех «рангов» и возрастов — и станет настольной. Эта книга продолжает отечественную традицию сочинения «книг для народа».

В деле собирания, интерпретации и реконструкции русского земледельческого календаря потрудились несколько поколений дореволюционных и советских ученых, причем интерес к нему возник задолго до оформления гуманитарных и общественных наук в России. Источники и литература по календарю необозримы, если иметь в виду не только специально посвященные ему публикации (от конкретных сообщений с мест до монографических исследований представителей